

УДК: 911.373.2:316.334.55
DOI: 10.17223/1998863X/40/23

А.А. Позаненко

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: К РАЗВИТИЮ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ

Рассматриваются пространственно изолированные локальные сельские сообщества. Указаны основные подходы к анализу их специфики. В целях развития подходов на основе полевого исследования заключается, что устойчивость сообществ с ростом пространственной изоляции падает, а затем начинает расти. Это обусловлено тем, что трудности, вызванные изоляцией, проявляются сразу, а преимущества – лишь при значительном её уровне.

Ключевые слова: пространственная изоляция; транспортная доступность; присваивающая экономика; устойчивость сельских сообществ; местное самоуправление.

В 1990-е годы в провинциальной России произошло значительное «сёживание» системы общественного транспорта. В первую очередь это относится к водному транспорту и малой авиации. В большинстве регионов Европейской России (Сибири и Дальнего Востока это коснулось в меньшей степени) они исчезли почти или полностью, в остальных количество обслуживаемых маршрутов уменьшилось многократно [1], а стоимость проезда – многократно же увеличилась. В результате многие российские сёла, не связанные с «большой землёй» всесезонными дорогами, оказались в пространственной изоляции (здесь и далее под изолированными будут пониматься те населённые пункты, из которых трудно добраться даже до районного центра). В некоторых районах севера с низкой плотностью населения и слабой развитостью дорожной сети таких сёл большинство, а их население составляет существенную долю от общего числа жителей района.

Пространственная изоляция существует и там, где для этого нет объективных природно-ландшафтных предпосылок. Это может являться результатом исторических, системных, административных, экономических процессов. Особенно такая изоляция характерна для территорий, прилегающих к региональным и даже муниципальным границам. Например, не столь далёкие от Москвы Костромская и Вологодская область соединены между собой всего одной всесезонной автомобильной дорогой, несмотря на наличие населённых пунктов с обеих сторон их границы, протяжённость которой составляет примерно 600 километров. Такая же картина наблюдается и на двух других костромских границах – с Кировской и Нижегородской областями. Таким образом, многие приграничные деревни оказываются в изоляции – граница непроницаема, сами они находятся вдали от транспортных магистралей и своих районных центров, а добраться до них можно только по не всегда и не для всех проезжим просёлочным дорогам, по которым не ходит общественный транспорт.

Среди исследователей российского пространства доминирует точка зрения, что депрессивность и депопуляция сельской местности нарастают по мере удаления от региональных центров и крупных городов, а «центр – периферия», соответственно, является основной осью, по которой можно проследивать различия в жизни территорий. Т.Г. Нефёдова описывает эту тенденцию, поделив пространства регионов на несколько поясов: пригороды, полупригороды, полупериферию и периферию [2. С. 363–367].

В.Л. Каганский убеждён, что из четырёх основных типов культурного ландшафта (центр, провинция, периферия, граница) территориально преобладающим в России является периферия, причём бывает она не только дальней (например, Эвенкия), но и внутренней, занимающей значительную и непрерывно растущую часть староосвоенных и даже наиболее развитых регионов [3]. Её существование обусловлено моноцентричностью организации российского пространства как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов и районов. Сёла, как правило, хорошо связаны с районным центром, районы – с центром региональным, а региональные центры – с Москвой. Горизонтальные связи развиты крайне слабо, а часто и вовсе отсутствуют, соседи никак не взаимодействуют и ничего друг о друге не знают [4, 5]. Таким образом, в классическом регионе всё, кроме зоны вокруг местной столицы и неширокой полосы вдоль ведущей в Москву магистрали, оказывается внутренней периферией, зоной ренатурализации ландшафта, социальной катастрофы и повального алкоголизма [3]. В местах, потерявших связь с «большой землёй», по логике государства, населения быть не должно, а должны сохраняться/возникать «закрытые зоны» [6. С. 15], т.е. места, куда никто и никогда не проникает.

Б.Б. Родоман [4] и В.Л. Каганский [3] считают, что пространства вдоль региональных границ как селитебные и хозяйственные зоны обречены. Б.Б. Родоман предлагает создать эконет, непрерывную сеть из особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и даже заповедников (на стыках трёх регионов, где сосредоточена самая глушь), нитями которой будут именно внутренние границы. В.Л. Каганский, соглашаясь с этим, и вовсе выступает за создание ООПТ на большей части внутренней периферии. Он утверждает, что остающиеся местные жители заняты в том числе браконьерством, считает это одним из признаков социальной катастрофы [3. С. 27], однако ничего не говорит об их перспективах в случае создания ООПТ, которое, очевидно, приведёт к ломке их образа жизни. Б.Б. Родоман, напротив, выступает за консервацию и институционализацию натуральной жизни, которую ведут многочисленные местные жители, и считает, что их нужно наделить правами аборигенов [4]. Действительно, жителям слабозаселённых местностей, не относящихся к числу коренных малочисленных народов, запрещено свободно ловить рыбу или заготавливать древесину для собственных нужд, этот вопрос на законодательном уровне и не поднимается, хотя, например, обсуждается даже разрешение вольного приноса золота [7].

Основываясь на вышесказанном, логично предположить, что устойчивость сельских сообществ должна ослабевать с ростом пространственной изоляции. Однако, основываясь на иных работах, можно прийти к противоположному выводу.

Общности (в некоторых переводах – общины), определённые и описанные Ф. Тённисом и имеющие прототипом первобытные кровнородственные общины, характеризуются сплочённостью, развитой взаимопомощью, привязанностью людей к своей земле (соответственно, малой миграционной мобильностью населения), единодушием, отсутствием письменного права и денежных отношений. Они наиболее вероятны в условиях родства и/или многопоколенного соседства и минимальной вовлечённости в жизнь глобализирующегося мира [8], что как раз характерно для многих изолированных сообществ. К. Поланьи также указывал на то, что в сообществах, скреплённых родством или соседством, наиболее вероятно возникновение реципрокных, безденежных отношений [9]. А реципрокность, как отмечает С.Ю. Барсукова, положительно влияет на жизнестойкость сообщества, оказываясь своего рода страховой системой; уклоняющиеся от неё рискуют утратой доверия и попаданием в социальную изоляцию [10]. Более того, по К. Поланьи, для первобытных или близких к ним обществ характерен коллективизм и общинная поддержка слабых, вследствие которой никому не грозит индивидуальный голод [11].

П.А. Кропоткин [12] утверждал, что естественным является состояние взаимной помощи и поддержки, а вовсе не Гоббсова война всех против всех, как было принято считать в то время. Он был убеждён, что общины, общинное землевладение и сельское самоуправление в Центральной и Западной Европе отмирали вовсе не по объективным экономическим законам, а в результате многовековой методической разрушительной государственной политики. Ликвидация общин и «поглощение всех общественных отправлений государством» [12. С. 190] привели к росту разобщённости и несамостоятельности в сельской среде и бюрократизации жизни крестьян. Близкие мысли содержатся в работе С.Ю. Барсуковой: она считает, что межсемейная кооперация развивается в условиях враждебного государства и практически сходит на нет при государстве социальном [10]. Напрашивается вывод, что чем дальше институты публичной власти и чем менее они ощутимы, тем выше должны быть уровни взаимопомощи и самоорганизации в сельском сообществе. Похожая логика прослеживается и в одном из тезисов В.Л. Каганского. По его мнению, депрессивная внутренняя периферия является неотъемлемой частью российского культурного ландшафта, имеющего природно-имперский характер, т.е. формирующегося и унифицирующегося государством по единому образцу, без оглядки на его естественность для тех или иных мест. И в нём иная, самобытная, «осмысленная» жизнь сохраняется лишь «в щелях и зазорах, неизбежных при заполнении пространства стандартными формами-проектами» [13. С. 7], а в таких «щелях и зазорах» в том числе находятся и оторванные от государства пространственно изолированные населённые пункты.

Ю.М. Плюсин полагает, что пространственно изолированные общины часто демонстрируют не только развитость реального местного самоуправления, но и устойчивость к внешним воздействиям, таким как, например, экономический кризис в стране. Также он утверждает, что только достаточное (с достаточным количеством ресурсов) и присвоенное (контролируемое) про-

странство может стать общинной, самодостаточной и самоуправляемой территорией [14], т.е. в плотно заселённой местности таковой не найти.

Соответственно, предположение о прямой (а не обратной) связи между уровнем пространственной изоляции и устойчивостью сообщества также вполне закономерно.

В ходе экспедиций, посвящённых выявлению влияния пространственной изоляции на социальную структуру сельских сообществ¹, автором было замечено, что одни сообщества выглядят «живее» своих неизолированных соседей, другие – наоборот. Также сообщества с аналогичным уровнем изоляции в разных регионах могли характеризоваться различным уровнем «живости» или устойчивости². Последовавшие более детальные наблюдения привели к выводу, что во внимание стоит принимать не только сам факт пространственной изоляции, но и её уровень.

С учётом сказанного вначале объектом исследования были деревни, сёла и посёлки, из которых проблематично добираться даже до районного центра. Поэтому в него не включались, к примеру, города Нарьян-Мар или Петропавловск-Камчатский, несмотря на то, что попасть в них из других регионов России можно только по воде или воздуху. Изолированными не считались места, куда круглогодично, ежедневно и без проблем можно добраться как личным, так и общественным транспортом, а также военные городки, вахтовые посёлки при месторождениях, кордоны в заповедниках и прочие ведомственные объекты, не являющиеся полноценными населёнными пунктами, и чьё существование полностью зависит от политики организаций, в структуру которых они входят. Обследовано 15 пространственно изолированных локальных сообществ в Карелии, Коми, Архангельской, Костромской и Мурманской областях. Исследование проводилось по месту проживания информантов методами глубинного интервью и наблюдения, в том числе с элементами включённого наблюдения. Взято 63 интервью у 85 местных жителей, а также проведено около 75 бесед, не учитывавшихся как отдельные интервью. Вне исследуемых сообществ, но в тех же муниципальных районах взято 4 интервью у сотрудников администраций сельских поселений (как муниципальных образований), на территории которых есть пространственно изолированные деревни, и ещё 1 – у местного жителя, хорошо знакомого с предметом исследования.

Обследованные сообщества схожи в этноконфессиональном отношении (в некоторых сёлах, помимо русских, живут коми, ненцы и саамы, но степень их «обрусения» позволяет пренебречь этим фактом). Как выяснилось в ходе экспедиций, сравнивать и вовсе можно лишь аналогичные сообщества, основным различием которых является именно уровень пространственной изоляции, поскольку в противном случае вмешивается слишком много посторонних факторов. Сравнимые населённые пункты должны находиться не только в одной этноконфессиональной и культурной среде, но и по соседству

¹ В рамках проекта «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти» (при финансовой поддержке Фонда «Хамовники», 2012–2014).

² Под «устойчивостью» понимается не устойчивое развитие (sustainable development), а именно сама устойчивость, определяемая динамикой численности постоянного населения (реальной, а не официальной), его возрастной структурой, качеством жизни, а также степенью сплочённости и самодостаточности сообщества.

(в одном районе или в соседних районах), а также иметь сопоставимые численность населения и структуру экономики на момент распада СССР.

В выборку попали локальные сообщества с самой разной степенью пространственной изоляции. Нужно отметить, что изоляция извне существенно отличается от изоляции изнутри: местным жителям проще выбраться на «большую землю», чем сторонним людям попасть сюда, – у первых есть соответствующие условия техника (вплоть до гусеничных вездеходов). Наименее изолированным оказался посёлок, расположенный всего в одном километре от районного центра, но отделённый от него рекой без моста и паромов. Самым изолированным стало село, удалённое от ближайшей дороги на 120 километров по воздуху. Летом туда можно добраться только вертолётном, который летает из районного центра раз в неделю, но билет в одну сторону по состоянию на лето 2013 г. стоил примерно 2,5 тыс. руб., поэтому, в среднем, жители пользуются вертолётном раз в год. Зимой открывается поддерживаемый самими жителями тракторно-вездеходный и снегоходный путь по тундре, замёрзшим болотам и озёрам (на автомобиле, даже внедорожнике, туда нельзя доехать никогда). При этом в данное село, пусть и дорого и всего раз в неделю, но можно долететь круглый год, а есть в выборке населённые пункты, куда, как правило, добраться легче, но они могут быть полностью отрезаны по месяцу и более из-за ледохода, ледостава или половодья, залившего дорогу. Официального общественного транспорта в большинстве посещённых населённых пунктов нет совсем. Кое-где он частично компенсируется неофициальным, варьирующим от места к месту.

В связи с этим автором различается незначительная, значительная и средняя пространственная изоляция. К сёлам, находящимся в незначительной изоляции, отнесены те, в которых одновременно отсутствует 1) ежедневное сообщение общественным транспортом; 2) дорога с твёрдым покрытием; 3) всесезонная дорога при наличии пешей доступности туда-обратно за один день до места, не находящегося в пространственной изоляции; либо отсутствие пешей доступности при наличии всесезонной дороги. К сёлам, находящимся в значительной изоляции, отнесены сёла, характеризующиеся одновременным отсутствием 1) хотя бы еженедельного сообщения доступным (по цене) общественным транспортом; 2) всесезонной дороги; 3) пешей доступности. Промежуточные населённые пункты находятся в средней изоляции. Важно, что речь идёт о стартовых условиях, в которых локальные сообщества оказались в результате не зависевшего от них резкого снижения транспортной доступности, случившегося либо из-за закрытия сельскохозяйственного предприятия (колхоза, совхоза, леспромхоза) и исчезновения соответствующего транспорта и техники, либо из-за ликвидации, урезания или многократного удорожания сообщения общественным транспортом. Действия, которые местные жители предпринимают для того, чтобы приспособиться к новым условиям, в градации не учитываются. Два населённых пункта из выборки находятся в незначительной изоляции, 10 – в средней, 3 – в значительной.

Проведённое исследование показывает, что оба упомянутых подхода к влиянию пространственной изоляции на устойчивость локальных сельских сообществ не могут претендовать на универсальность. Действительно, мас-

совое банкротство сельскохозяйственных предприятий и леспромхозов на нечерноземной периферии чаще всего приводит к вымыванию трудоспособного населения из села и возникновению отходничества – временной трудовой миграции [15]. Однако, как справедливо замечает О.П. Фадеева, альтернативой может стать освоение природных богатств, в случае слабого над ними контроля [16. С. 23]. А в пространственно изолированных сёлах как слабее всего контроль, так зачастую и невозможно отходничество.

Это подводит к тому выводу, что устойчивость локальных сельских сообществ с нарастанием пространственной изоляции сначала падает, а потом начинает расти (рис. 1). Сообщества, находящиеся в значительной пространственной изоляции, зачастую оказываются даже устойчивее аналогичных неизолированных сельских сообществ [17].

Информант 1 (Инф 1): Я вообще считаю, что здесь ещё неплохо.

Информант 2: Здесь жилое! Плачут: переправа, переправа! А что переправа? На той стороне...

*Инф 1: И переправа не нужна, и асфальт есть, а деревни сдохли!*¹

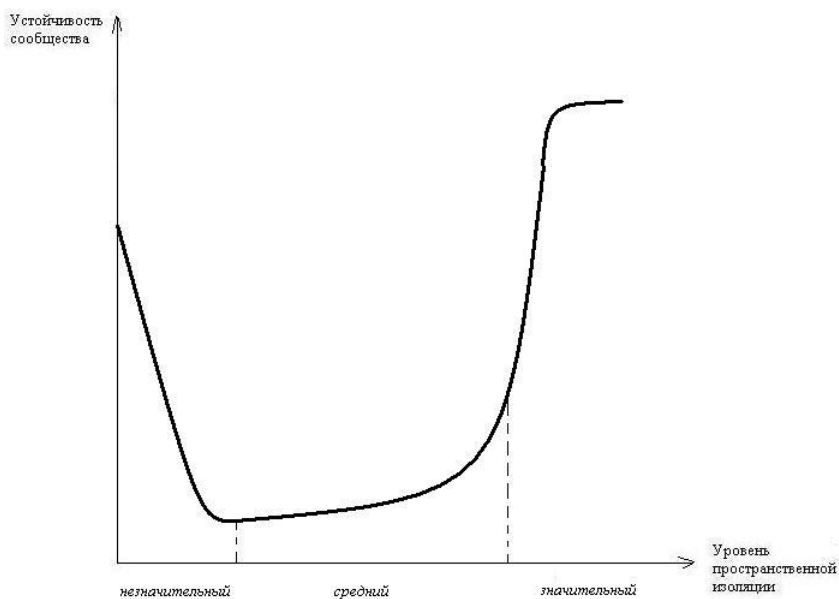

Рис. 1. Зависимость устойчивости локальных сельских сообществ от уровня пространственной изоляции

Объясняется это следующим образом. Трудности, связанные с пространственной изоляцией, проявляются сразу, но вскоре практически перестают расти с дальнейшим увеличением уровня изоляции. К ним относятся неудобства, связанные с плохими транспортной доступностью и снабжением, отсутствие сколь-либо развитого рынка труда (в том числе и для потенциальных отходников), низкая рентабельность бизнеса (особенно официального) и др.

¹ Чета предпринимателей, около 45 лет, Костромская область, ноябрь 2013 г.

Преимущества пространственной изоляции, напротив, проявляются лишь при достижении значительного её уровня (рис. 2)¹.

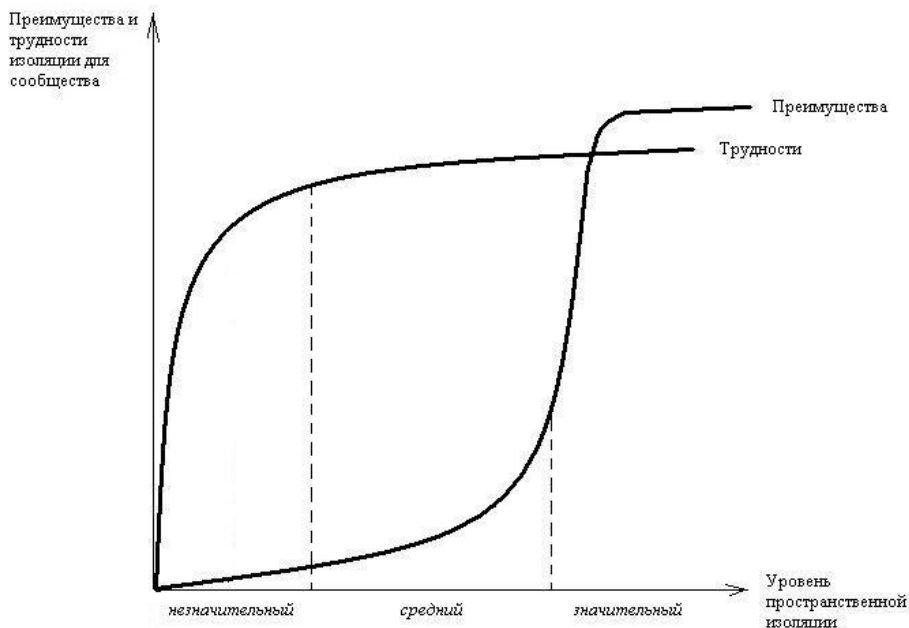

Рис. 2. Зависимость трудностей и преимуществ пространственной изоляции для сельского локального сообщества от её уровня

Основным из преимуществ является возможность безраздельно и по собственному усмотрению пользоваться природными ресурсами. В такие населённые пункты почти или вовсе не добираются ни контролирующие инстанции, ни заезжие охотники и рыболовы. Местные жители осознают это и в большинстве своём считают изоляцию и отсутствие дороги благом, обеспечивающим им чувство практически полной свободы и возможность вести нравящийся им образ жизни в спокойном, понятном, своём мире.

Будем надеяться, село наше не вымрет, а будет жить тихонечко. Надо, чтоб жило-то. Привыкли уже здесь, сами по себе. Отдельная типа республичка. Я лично против того, чтоб дорога тут была².

Дорога – палка о двух концах. С одной стороны, приток людей был бы. Одни приехали, другие уехали. Может быть, коммерция какая-то, торговля. Продуктовая коммерция, может, поживее бы была и подешевле. А с другой стороны,

¹ Вероятно, при достижении определённого уровня изоляции её преимущества, проявившись в полной мере, практически перестают нарастать. То есть, например, не должно быть принципиальной разницы между удалённостью от ближайшей дороги на 500 и на 1000 километров. Таким образом, кривая преимуществ весьма похожа на логистическую кривую (см. уравнение Ферхюльста), хотя первая выводилась автором не математически, а исключительно аналитически.

² Связист, около 45 лет, Мурманская область, июль 2013 г.

*это уже будет не село самобытное. Это уже понаедут, это будет и воровство, и всякое такое хулиганство*¹.

Интервьюер (Инт): Как Вам кажется, то, что село труднодоступно, это благо или вред?

Информант (Инф): В одном смысле это благо. А то иначе бы тут ё-моё.

Инт: Вы бы хотели, чтобы был мост через реку, асфальт сюда?

*Инф: Нет, лучше пусть так, как есть*².

Мурманскому селу, например, губернатор предлагала построить дорогу, но на общем сходе жители села отказались. За дорогу выступали преимущественно те, кто переехал туда относительно недавно.

Для сообществ, находящихся в значительной пространственной изоляции, характерны общинные отношения и следующий из них высокий уровень взаимопомощи и самоорганизации, которые позволяют эффективно решать общие проблемы. Люди дорожат такими отношениями и не хотят их лишиться.

Доступность природных ресурсов, удовлетворённость образом жизни и сплочённость жителей, накладываясь на трудности переезда и перевозки имущества, ведут к высокой устойчивости этих сообществ. На то, что безраздельный контроль над природными ресурсами зачастую делает труднодоступные деревни жизнеспособнее своих изолированных аналогов, указывают также А.А. Кулясова и А.В. Овчинников [18. С. 108–109].

Современная российская деревня (по крайней мере, на уровне нарратива) живёт преимущественно прошлым, ностальгирует по нему и мало надеется на будущее (см., напр.: [19. С. 48]). Безусловно, эти настроения присутствуют и в пространственной изоляции, но плач о прошлом тише, жители настроены оптимистичнее и зачастую даже считают, что живут хорошо, и верят в то, что их деревни ждёт не вымирание, а полноценная жизнь.

*Люди стали рожать. Кто-то второго, кто-то третьего. Женщины не боятся. <...> Ничего, живём. Уезжать не собираемся*³.

Целыми семьями из пространственно изолированных деревень уезжают редко. Взрослые и, тем более, пенсионеры привязаны к своему месту жительства и родному сельскому сообществу. Те немногие, кто был бы не прочь переехать, – почти исключительно женщины, поскольку мужчины совершенно не представляют жизни без своих леса и реки.

*Я бы, может, и хотела уехать, но он, наверное, не уедет. Он же лесной*⁴.

Даже многие дети связывают своё будущее с малой родиной и собираются вернуться после получения профессионального образования, и некоторые, хотя и меньшинство, действительно возвращаются.

Одно событие может одномоментно вывести сообщество из устойчивости – закрытие школы. Без врачей, как показывает исследование, деревня вполне может прожить – «скорая» в большинство обследованных населённых

¹ Пенсионерка, 66 лет, Мурманская область, июль 2013 г.

² Лесничий, около 55 лет, Костромская область, ноябрь 2013 г.

³ Женщина-метеоролог, 62 года, Мурманская область, июнь 2013 г.

⁴ Женщина-почтальон, около 50 лет, Костромская область, февраль 2013 г.

пунктов не выезжает (часто она даже гипотетически не может проехать), а на месте, в лучшем случае, есть только ФАП. А без учителей в зоне досягаемости – нет. Благо, обычно школа закрывается только тогда, когда в деревне остаётся не более нескольких учеников, а иногда её и вовсе держат до упора. В противном случае местные жители не в состоянии обучать детей на дому (им это и не приходит в голову). Отправлять же детей к родственникам или в интернат решаются немногие, не говоря уже о том, что интернаты есть далеко не во всех районных центрах.

А потом, когда здесь полную школу закрывали... У меня старшая в 10-й класс шла. <...> И всё, и как? Куда-то в техникум не хотелось. <...> У нас стал вопрос переезжать¹.

С закрытием школы, семьи, в которых есть школьники, вынуждены переезжать, оставляя на месте только бабушек и дедушек.

Подытоживая, можно сказать, что сельские сообщества, живущие в значительной пространственной изоляции, по сути, уже находятся за пределами пространства, рассматриваемого Т.Г. Нефёдовой, где-то за периферией. Равно как и вне природно-имперского ландшафта В.Л. Каганского: у них нет не только горизонтальных транспортных связей с соседями, но и вертикальных – с центрами своих сельских муниципалитетов и районов. Государства здесь практически нет, оно ушло и теперь сюда не дотягивается.

Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на два устоявшихся подхода к пространственной изоляции, в которых ей приписывается либо деструктивное, либо конструктивное воздействие на сообщество. Наблюдения автора показывают, что недостатки изоляции, по большей части, возникают уже при незначительном её уровне, тогда как преимущества (основным из которых является возможность по своему усмотрению и бесконтрольно пользоваться окружающими природными ресурсами) появляются лишь в условиях значительной изоляции. Иными словами, при высоком уровне изоляции, по всей видимости, влияние её «минусов» на устойчивость сообществ компенсируется и иногда даже перевешивается влиянием её «плюсов».

Литература

1. Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 4. С. 25–47.
2. Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
3. Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.
4. Родман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–89.
5. Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 26–37.
6. Каганский В.Л. Ландшафт. Империя. Россия // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2(11). С. 5–15.
7. Журавская Т.Н. Моральная экономика «хищников»: случай дальневосточных поселений // Terra Economicus. 2013. № 4. С. 44–53.

¹ Священник, около 40 лет, Костромская область, ноябрь 2013 г.

8. *Tönnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Vierte und fünfte Auflage. Berlin: Verlag Karl Curtius, 1922.
9. *Полянй К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. № 2. С. 62–73.
10. *Барсукова С.Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29.
11. *Полянй К.* О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. с. 505–513.
12. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
13. *Казанский В.Л.* Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. М.: Стрелка пресс, 2013.
14. *Плюснин Ю.М.* Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 38–50.
15. *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.
16. *Фадеева О.П.* Трансформация хозяйственных укладов и потенциал самоорганизации сельских сообществ // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей / под ред. А.М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 15–43.
17. *Позаненко А.А.* Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти // Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогнозика процессов развития регионов Ближнего Севера России: Материалы 5 Международной научной конференции / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Грифон, 2014. С. 72–77.
18. *Кулясова А.А., Овчинников А.В.* Возможности, проблемы и опыт устойчивого сельского развития // Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития. Новомосковск: Новомосковский филиал УРАО, 2014. Ч. 1. С. 104–110.
19. *Бредникова О.* Деревня умерла? Да здравствует деревня! (ещё раз к вопросу о различиях города и деревни) // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой и О. Бредниковой. СПб.: Алетей, 2013. С. 28–59.

Благодарности

Автор благодарен Н.Н. Жидкевич за ценные советы, касающиеся логики построения статьи.

Artemy A. Pozanenko. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: apozanenko@hse.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/23

TERRITORIAL ISOLATION AND THE SUSTAINABILITY OF LOCAL COMMUNITIES: DEVELOPING THE EXISTING APPROACHES

Key words: territorial isolation; transport accessibility; subsistence economy; rural community sustainability; local self-government

In the 1990s, the public transportation system in provincial Russia shrank significantly. Most affected were the water transport and small aircraft aviation. As a result, many rural local communities, not connected with the “mainland” by all-season roads, found themselves in territorial isolation. The paper deals with the case of villages that have poor transport communication with the outer world, including their district (rayon) center, or none at all (in the conventional sense). It studies the influence of territorial isolation on their sustainability. One can find two opposing views of such influence in the academic literature. According to the first approach, after losing government support, peripheral and especially hard-to-reach villages become economically unviable, unattractive for living in them and doomed to extinction. According to the second approach, the noninterference of the state in the life of the local population enhances the solidarity, self-organization and self-sufficiency of the communities, which makes them sustainable to economic cataclysms. Based on the findings of his field research, which addressed the social structure of territorially isolated settlements, the author

attempts to contribute to the development of these approaches. He concludes that under otherwise equal starting conditions at the time when transport accessibility collapsed or deteriorated, those communities that became considerably isolated turn out to be sustainable (viable), and sometimes even more so than their non-isolated counterparts, whereas the resilience of communities that ended up in minor isolation sharply decreases. In other words, with the emergence and increase of territorial isolation, the sustainability curve of communities first declines, and then starts to rise. This is due to the following circumstances. Insignificant isolation manifests primarily its disadvantages – poor transport accessibility and supply, unavailability of any decent labor market, low profitability of business, etc. However, the more isolated a community is, the more such shortcomings are balanced and sometimes even outweighed by the increasing advantages, the principal one being the ability of the locals to use the surrounding natural resources at their discretion and free of any control.

References

1. Ilin, V.I. (2010) Rossiyskaya glubinka v sotsial'noy strukture Rossii [Russian province in the social structure of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 4. pp. 25–47.
2. Nefedova, T.G. (2003) *Sel'skaya Rossiya na pereput'e: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the crossroads: Geographical sketches]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
3. Kaganskiy, V.L. (2012) Vnutrennyaya periferiya – novaya rastushchaya zona kul'turnogo landshafta Rossii [Internal periphery is a new growing zone of Russia's cultural landscape]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 6. pp. 23–34.
4. Rodoman, B.B. (2006) Ekologicheskaya spetsializatsiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire (proekt nestandartnogo resheniya) [Ecological specialisation of Russia in the globalising world (the project of non-standard solution)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 78–89.
5. Kaganskiy, V.L. (2011) A Holistic Investigation of the Russian Cultural Landscape. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 4(5). pp. 26–37. (In Russian).
6. Kaganskiy, V.L. (2013) The Russian Cultural Landscape as an Empire Landscape. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 2(11). pp. 5–15. (In Russian).
7. Zhuravskaya, T.N. (2013) Moral'naya ekonomika “khishchnikov”: sluchay dal'nevostochnykh poseleniy [Moral economy of “predators”: the case of Far Eastern settlements]. *Terra Economicus*. 4. pp. 44–53.
8. Tönnies, F. (1922) *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie* [Community and Society. Basic concepts of pure sociology]. Berlin: Verlag Karl Curtius.
9. Polani, K. (2002) Ekonomika kak institutsional'no oformlennyy protsess [Economics as an institutionalised process]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 2. pp. 62–73.
10. Barsukova, S.Yu. (2004) Retsiproknye vzaimodeystviya. Sushchnost', funktsii, spetsifika [Reciprocal interactions. Essence, functions, specificity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 20–29.
11. Polani, K. (1999) O vere v ekonomicheskii determinizm [About belief in economic determinism]. In: Shanin, T. (ed.) *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal economy. Russia and the World]. Moscow: Logos. pp. 505–513.
12. Kropotkin, P.A. (2013) *Vzaimnaya pomoshch' sredi zhivotnykh i lyudey kak dvigatel' progressa* [Mutual assistance among animals and humans as an engine of progress]. Moscow: LIBROKOM.
13. Kaganskiy, V.L. (2013) *Kak ustroena Rossiya? Portret kul'turnogo landshafta* [How is Russia structured? Portrait of a cultural landscape]. Moscow: Strelka press.
14. Plyusnin, Yu.M. (2008) Local self-government development factors. Assessment of importance isolation and isolationism . *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 38–50. (In Russian).
15. Plyusnin, Yu.M., Zausaeva, Ya.D., Zhidkevich, N.N. & Pozanenko, A.A. (2013) *Otkhodniki* [Seasonal workers]. Moscow: Novyy khronograf.
16. Fadeeva, O.P. (2012) Transformatsiya khozyaystvennykh ukладov i potentsial samoorganizatsii sel'skikh soobshchestv [Transformation of economic structures and the potential of self-

organization of rural communities]. In: Nikulin, A.M. (ed.) *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samoorganizatsiya* [Second Russia: differentiation and self-organization]. Moscow: Delo. pp. 15–43.

17. Pozanenko, A.A. (2014) [The social structure of local communities spatially isolated from the institutions of public power]. *Sotsial'naya geografiya, sotsiobiologiya i sotsial'nye nauki: modelirovanie i prognostika protsessov razvitiya regionov Blizhnego Severa Rossii* [Social geography, sociobiology and social sciences: modeling and prognostication of development processes in the regions of the Near North of Russia]. Proc. of the Fifth International Conference. Moscow. pp. 72–77. (In Russian).

18. Kulyasova, A.A. & Ovchinnikov, A.V. (2014) *Vozможности, problemy i opyt ustoychivogo sel'skogo razvitiya* [Opportunities, problems and experience of sustainable rural development]. In: Shulmin, S. et al. (eds) *Gumanitarnye i estestvennonauchnye faktory resheniya ekologicheskikh problem i ustoychivogo razvitiya* [Humanitarian and natural science factors in solving environmental problems and sustainable development]. Novomoskovsk: Novomoskovskiy filial URAO. pp. 104–110.

19. Brednikova, O. (2013) *Derevnya umerla? Da zdravstvuet derevnya!* (eshche raz k voprosu o razlichiyakh goroda i derevni) [Did the village die? Long live the village! (once again to the question of the differences between the city and the village)]. In: Bogdanova, E. & Brednikova, O. (eds) *Vdali ot gorodov. Zhizn' postsovetskoy derevni* [Far from the cities. The life of the post-Soviet village]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 28–59.